

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'1

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ОБЕЩАНИЯ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Представлены результаты сопоставительного исследования, казалось бы, наиболее изученной группы перформативных речевых действий – обещаний. Полученные данные позволили уточнить и дополнить базисные категориальные свойства исследуемых действий, интерпретировать количественные показатели употребления в четырех сопоставляемых культурах (белорусской, русской, английской и американской), эксплицировать некоторые типичные особенности их языкового воплощения в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта.

Введение. Речевые действия неоднократно являлись предметом исследования самых разных направлений лингвистики, философии языка, герменевтики и особенно коммуникативистики. Актуальность изучения речевых действий состоит в том, что они позволяют уяснить, каким образом строятся единицы языка в реальных актах общения, показать, что представляет собой язык как деятельность.

Речевые действия обещания являются одной из самых изученных разновидностей действий в лингвистике. Но визна данного исследования состоит в 1) сопоставительном изучении функционирования действий обещания в четырех культурах (английской, американской, белорусской и русской) и установлении как общих, так и некоторых культурно специфических черт их реализации; 2) попытке представить гендерные особенности конструирования действий обещания, выявлении как общих, свойственных всем анализируемым культурам гендерных предпочтений в реализации обещаний, так и описание некоторых культурно дистинктивных особенностей проявления гендера в пределах речевых действий обещания.

Наша гипотеза состоит в том, что рассмотрение действий обещания сквозь призму гендера с помощью принятых в современных лингвогендерных исследованиях подходов поможет в значительной мере дополнить имеющиеся весьма убедительные сведения в трудах современных лингвистов и философов языка о данной разновидности речевых действий и показать, как в реальности конструируются и осуществляются действия обещания, какие модификации их глубинной структуры должны рассматриваться как элементы компетенции носителей языка с тем, чтобы они могли успешно осуществлять речевую деятельность на данном языке. Если же анализ обещаний не выявит гендерной специфики их реализации ни в одной из сопоставляемых культур, то мы получим значимый аргумент в пользу интерпретации обещаний как гендерно-нейтральной разновидности речевых действий и весомое доказательство существования общих для всех гендеров предпочтений в использовании языка.

Основная часть. В настоящее время речевые действия трактуются как высказывания, определяемые в терминах интенций говорящего и тех воздействий, которые они оказывают на слушающего [1, с. 437]. Вопреки весьма распространенному мнению, согласно которому основной единицей языка является предложение, многие лингвисты, философы языка и специалисты в области коммуникации пытаются показать, что в качестве таковой правомерно считать речевое действие. Их труды убедительно доказывают, что именно оно является основной единицей общения и языка, трактуемого как деятельность. Или точнее, по утверждению Дж. Серля, такой единицей является производство конкретных предложений или высказываний в ходе совершения речевого акта [2, с. 211]. О том же говорил С. Карцевский, постулируя в качестве такой единицы фразу.

Британский философ Дж. Остин первым привлек внимание к достаточно специфической группе подобных высказываний, а именно: он выделил среди них обширную группу, которая отличалась тем, что входящие в нее единицы не просто несут слушающему определенную информацию, а сами в значительной мере являются сигналами осуществления определенных действий или, точнее, сами выступают в качестве действий. В частности, когда кто-нибудь говорит *I bet* (держу пари), *I promise* (обещаю) и т.п., то тем самым немедленно начинает представление другой, новой психологической или социальной реальности. Так, мы можем сказать «держу пари», только если действительно начинаем соответствующие действия, а не после или до них. Корабль получает определенное имя только после того, как завершен соответствующий речевой акт, устный или письменный. Такие акты или высказывания Дж. Остин назвал перформативными и выделил их в особую группу из других разновидностей речевых действий.

Идентифицированная им группа достаточно многочисленна и включает внушительный перечень наименований речевых действий, например: назначение, запрещение, осуждение, действие пробуждения кого-то ото сна, именование и т.п. Считается, что одним из наиболее изученных является перформатив-

ное речевое действие обещания. Так, Дж. Серль в своем известном труде «Классификация иллокутивных актов», анализируя новаторское исследование Дж. Остина, одобрительно отзывается, практически, только о той части его классификации, которая представляет собой описание речевого действия обещания [3, с. 237].

В соответствии с выводами исследователя, совершение любых речевых действий, в том числе и перформативных, относится к тем формам поведения, которые регулируются правилами [2, с. 211]. Эксплицируя особенности обещания, Серль устанавливает, что смысл или цель речевого действия «обещание» состоит в том, чтобы взять на себя обязательство совершить нечто [3, с. 230]. Его глубинная структура в английском языке может быть представлена в следующем виде: «Я глагол (тебе) + я будущее Волюнкативный глагол (NP) (Наречие)». Например: *Я обещаю заплатить тебе деньгами* [3, с. 248].

Главной положительной особенностью предложенной интерпретации автор полагает то, что она основана на ясном и последовательном принципе – понятии (иллокутивной) цели. Правомерно согласиться с автором в важности данного принципа. Главной целью работы Серля была классификация речевых действий и разработка компактного перечня иллокуций, позволяющих свести все многообразие речевых действий к минимальному «элегантному», в терминах автора, перечню базисных категорий. По общему мнению, исследователю действительно удалось найти такую базисную категорию для речевых действий обещания.

Вместе с тем классификация Серля охватывает далеко не все разнообразие речевых действий, а если и отмечает определенные их разновидности, то, как в случае с обещаниями, в определенной мере сужает диапазон условий, которым каждое наименование должно соответствовать. Помимо базисных категорий требуются их разновидности, классы и подклассы. Причем весьма желательно показать, в форме каких вариантов и с какими другими разновидностями действий базисные номинации взаимодействуют в процессе общения. Ведь любая деятельность манифестируется в так или иначе осуществляемом взаимодействии, в том числе и с другими разновидностями речевых действий. Кроме того, антропологический подход к анализу языка убедительно показывает необходимость соотнесения рассматриваемых структур с порождающей их личностью. Действительно ли достаточно базисной структуры, предложенной Серлем, для понимания того, как обещания функционируют в актах общения, каковы его наиболее употребительные локации и особенности распределения в коммуникативном потоке.

Революционность обсуждаемой теории состоит в том, что речевые «игры» на самом деле не являются абсолютно непредсказуемыми, хаотичными, сиюминутными, как это вытекает из рассуждений философов и имплицитно лингвистов, еще несколько десятков лет тому назад полагавших, что структура предложения, практически, описывает все необходимые связи и единицы в языке. Ценность теории речевых действий и вклада Серля и Остина как раз и состоит в том, что построение разного вида, типа, подтипа и т.д. высказываний в речевой деятельности регулируется правилами; они стремились свести все многообразие реальных действий к экономичному, минимальному перечню действий – инвариантов, с помощью которых и осуществляется общение. Оставив в стороне вопрос о количестве таких действий и адекватность предложенных ими наименований, мы обращаем внимание на их попытку сконструировать некие инварианты, которые в русле теории Ф. Соссюра свободны от каких бы то ни было инвазий, социальных и культурологических в том числе. Признавая значимость и революционность предложенных Серлем и Остином данных об обещании и речевых действиях в целом, мы полагаем целесообразным уточнить особенности дистрибуции и манифестации обещаний в подлинных актах общения.

Первое приближение к реальной картине функционирования действий обещания дают количественные показатели, т.е. данные об их встречаемости в потоке общения. Неслучайно количество относится к фундаментальным категориям, пренебрежение которыми не позволяет адекватно описать никакую анализируемую сущность.

В соответствии с нашими данными, полученными в ходе сопоставительного изучения аутентичного вербального поведения в четырех культурах (английской, американской, белорусской и русской), речевые действия обещания попадают в разряд среднечастотных. Наша шкала состояла из шести градаций частотности: очень высокой, высокой, средней, низкой, очень низкой, минимальной. Последнюю градацию составили те редкие речевые акты, частотность которых указывала на единичные употребления (1–3) и не превышала в сравнительном описании даже доли процента. Материал для сопоставительного рассмотрения был достаточно репрезентативным и составил приблизительно 40 000 слов записей подлинного общения в каждой из анализируемых культур. В белорусской культуре рассматривалась также еще и выборка, составленная из говорения на так называемой трасянке. Примечательно, что встречаемость действий обещания соотносится со средними показателями, практически, во всех культурах. Даже если уточнить сущность градации «средняя частотность» с помощью разделения ее на «высокую среднюю», «среднюю среднюю» и «низкую среднюю», то, к нашему удивлению, показатели частотности совершенных действий обещания во всех культурах группируются в основном в графе «средняя средняя» и меньше «низкая средняя». Данные градации, однако, соотносятся с заметной употребительностью обещаний, хотя и не сопоставимой с частотностью утверждений, вопросов, сообщений и т.п. Полученные данные, на наш взгляд, подтверждают правоту тех исследователей, которые заявляют о неслучайности выбора философами и лингвистами в качестве репрезентантов основных вербальных актов именно утверждений, вопросов, просьб, обещаний, наречений и т.п.

Второй неожиданностью при анализе результатов сопоставительного анализа было то, что распределение обещаний в каждой из сопоставляемых культур оказалось в определенной мере гендерно-специфичным. Так, во всех четырех культурах женщины использовали их чаще, что лучше всего прослеживается по показателям относительной частотности речевых действий обещания в белорусской культуре.

Относительные показатели встречаемости действий обещания в %

Гендер	Культура			
	белорусская	русская	американская	английская
Ж	62,5	57,5	52,5	55
М	37,5	42,5	47,5	45

Примечание. За 100 % принимается общее количество обещаний в одной культуре.

Если вспомнить, что базисный смысл данной разновидности речевых действий составляет принятие обязательств, то получается, что женщины в анализируемых культурах, пусть и не радикально, но все-таки чаще или несколько чаще объявляют о своем принятии определенных обязательств. Вместе с тем существенные показатели встречаемости обещаний в речевом общении мужчин показывают, что и в их говорении они весьма частотны.

Целесообразно отметить, что гендерно-специфичными оказались не только показатели общего количества реализаций обещаний. Весьма любопытные данные были получены после того, как к анализу были привлечены сведения о сфере, в которой или относительно ценностей которой были осуществлены зарегистрированные нами действия обещания. Оказалось, что мужские обещания, помимо того, что они несколько менее частотны, еще и чаще соотносятся с реалиями публичной, производственной жизни. Единственное исключение в их группе составило вербальное поведение говорящих субъектов группы 45 лет и старше, которые находились в статусе дедушек. Они также реализовывали значительное количество обещаний, особенно в разговорах с внуками, детьми. Женские речевые действия обещания были в основном о ценностях частной жизни или соотносились с реалиями приватного мира. Кроме того, были зарегистрированы некоторые культурно-специфические особенности в количестве обещаний, связанных с частной и общественной сферами в поведении женщин. Так, женщины в американской культуре имеют склонность реализовывать больше обещаний, соотносимых с общественной сферой, чем женщины Беларуси, России. Вместе с тем общее соотношение обещаний, связанных с приватной и общественной сферами, остается у них таким же, как и у женщин в других культурах: они значительно реже реализуют действия обещания, так или иначе соотносимые с реалиями общественной жизни.

Целесообразно отметить, что принимая теорию речевых действий как весьма актуальную и полезную для анализа вербального поведения, мы, тем не менее, в своем исследовании подвергли сомнению некоторые ее подходы в том виде, в котором они изложены у Остина и Серля. Так, мы не разделяем слишком обобщающий, «инвариантный» подход данных исследователей. На наш взгляд, их речевые действия весьма отдаленно или вовсе не являются единицами взаимодействия. Они, скорее, на Сосюровский лад являются виртуальными, изолированными единицами речевого общения, представленными в определенном перечне. А ведь по справедливому замечанию критиков теории речевых действий, речевое общение в значительно большей мере базируется на взаимодействии, чем это допускает данная теория [4, с. 255]. В теории речевых действий остается неясным, как выделенные типы речевых актов взаимодействуют друг с другом в речевом общении, какова их дистрибуция или условия их непосредственной реализации. Или они, как это представлено в теории названных авторов, поочередно возникают в говорении, определяемые исключительно в терминах намерений говорящего. Только ли намерениями говорящего объясняется появление обещания? Или же намерения говорящего возникают в ответ на создавшуюся ситуацию в процессе взаимодействия, отраженного в вербальном континууме, в ответ на определенные речевые действия других собеседников?

Рассматривая, в каких конкретно актах взаимодействия возникают обещания, мы сочли необходимым выделить специальную разновидность речевых действий, которые были названы нами побуждениями к обещанию, или действиями, направленными на получение обещания. Формально они попадают под выделенную Дж. Серлем рубрику «директивов». Суть последних состоит в попытке со стороны говорящего добиться, чтобы слушающий нечто совершил [3, с. 241]. Их легко можно принять за реплики, направленные на запрос информации, например:

1. А: Скажи ты мне, который час.
Б: Скажи ты мне, что будешь верен мне всю жизнь.
2. В: Tell me what you will do there.
Г: Tell me that you will, please. Tell me that you will.
3. Д: А скажытка ты, браце, як гэта ўсё робіцца, з чаго мне пачынаць, га?
Е: Скажы, ты ж зробіш ўсё, так? Скажы, а, Васіль?

Несмотря на формально побудительный характер презентации смысла во всех приведенных репликах, они далеко не одинаковы по интенциям говорящего. Так, речевые действия А, В и Д действительно запрашивают информацию, а вот в действиях Б, Г и Е манифестированы просьбы, причем такие, которые побуждают собеседника совершить именно речевые действия обещания.

Весьма любопытно, что гендерные отличия в частотности таких действий во всех анализируемых нами культурах настолько минимальны, что их вполне правомерно считать случайными, хотя в абсолютных количественных показателях женщины совершают подобные действия чаще. Самая высокая степень большей частотности зафиксирована при анализе речевых действий, совершенных американками, но она составила всего около 1,5 %. Создается впечатление, что данный вид речевых действий важен для всех говорящих субъектов, независимо от их гендерной идентичности. Если вспомнить, что вербальное поведение коммуникантов-мужчин и коммуникантов-женщин в определенной мере отличается по количеству продуцируемых ими обещаний и принять во внимание, что значительно большая часть мужских обещаний соотносится с производственной деятельностью, общественной жизнью и является ответной реакцией на действия других собеседников – мужчин, то становится очевидной гендерная диспропорция между количеством просьб об обещании и действий обещаний в ответ.

Между тем действия обещания являются разновидностью весьма значимых высказываний, которые в теории речевых действий попадают под рубрику перформативов. Блестяще иллюстрирует расхождение в направленности соответствия (или соотнесенности) между словами и миром в случае констативов (или утверждений, информативов) и обещаний Дж. Серль. Он справедливо отмечает, что утверждения отражают мир, который они описывают. Ключевыми словами в аргументации Дж. Серля являются «отражают» и «описывают». Благодаря названному отражению (причем данное отражение видится автору зеркальным, ибо он употребляет глагол *to mirror*), благодаря названному свойству утверждения проявляют такую направленность соответствия, при которой слова отражают мир. В случае же с обещаниями, как и в ряде других способов использования языка в актах общения, слова могут формировать мир, вносить в него изменения. Направление соответствия или соотнесенности начинается со слов, лучше со смысла речевых действий, и устремляется к измененному миру. Серль заявляет буквально следующее: «Некоторые высказывания заставляют слова (более точно, их пропозиционные значения) соответствовать миру, другие вынуждают мир соответствовать словам» [5, с. 3]. (Выделенные слова отвечают замыслу данной работы и произведены автором). Он прибегает к аналогии, предложенной Элизабет Анкоум для иллюстрации различий в направленности соответствия. С этой целью она использует аналогию с покупателем и следователем, стремящимся к раскрытию преступлений, совершаемых в магазине. Покупатель читает слова из списка, составленного для него женой, – фасоль, сливочное масло, бекон, хлеб – и покупает все, что указано в списке, чтобы осуществить соответствие между миром (в его случае миром кухни, его дома) и словами. Говоря иначе, чтобы приспособить мир на кухне к тому перечню слов, который составила для него жена. Но если детектив (следователь) записывает наименования продуктов, которые покупатель берет с полок магазина, то в таком случае наблюдается иное соответствие: приспособление мира слов к миру реальности. Слова в записях следователя фиксируют или отражают то, что покупатель взял с полки и в конечном итоге купил в магазине. Список следователя характеризуется направлением соотнесения от слов к миру, как это имеет место в речевых действиях утверждения. Список же покупателя имеет другую направленность: от мира к словам, его цель – сделать мир на кухне соответствующим словам, что характерно для обещаний [5, с. 4]. В последних, как известно, говорящий берет на себя ответственность сделать что-нибудь, т.е. изменить мир, сделав его соответствующим или соотносимым со словами своего обещания. Данные речевые действия заставляют мир соответствовать словам, точнее, конституирующему данные речевые действия смыслу. Джон Остин осуществил первое, ставшее уже классическим, исследование перформативов. Таковыми в его теории являются только те высказывания, осуществив которые мы совершаем определенные действия, так или иначе меняя мир вокруг нас [6, с. 12].

Как уже отмечалось, Остин и Серль настаивали на том, что обещание обязывает говорящего к совершению определенных действий [5, с. 22; 6, с. 57]. Обязывающая, комиссивная сила обещаний прослеживается прежде всего в том, что они все-таки связывают нас, ибо представляют собой действия, за которые дающий обещание субъект несет личную ответственность. Дж. Остин даже настаивает, что каждый может обещать только за себя. Так, он просит читателя вообразить реакцию взволнованного родителя, ребенок которого разбил мячом стекло соседу. Если даже данный родитель заявляет, что его сын обещает впредь так не поступать, то его речевое действие вряд ли стоит квалифицировать как подлинный перформатив, потому что в нем нет личных обязательств ребенка [6, с. 63].

В настоящее время предложено еще одно измерение в интерпретации действий обещания. Помимо обязательств они способны вызвать максимально сильное доверие со стороны адресата [7, с. 27, 40–73]. Они вовлекают субъектов, которым сделано обещание, в определенное сотрудничество или взаимодействие.

К аналогичным выводам приходит и известный исследователь – герменевт и теолог – А. Тиселтон, интерпретируя библейские тексты [8, с. 81–82, 85]. Обещания, с его точки зрения, не только связываю-

щие говорящего субъекта обязательства, как это следует из теории Остина и Серля, но и акт взаимодействия, максимизирующий доверие и на этом основании строящий отношения с собеседником.

На наш взгляд, предложенная Ч. Фрайдом и А. Тиселтоном трактовка обещания весьма полезна для интерпретации полученных нами данных о количественных показателях реализации обещаний. Значительная их употребительность в наших записях соотносится с их значимостью для конструирования отношений в самых разных сферах деятельности. Особенно показательна в данном плане количественность действий, побуждающих к обещанию, которые в значительном количестве случаев являются условием появления обещания. Гендерная недистинктивность показателей их употребительности указывает на их одинаковую значимость в полноценном общении. С другой стороны, несколько более высокие показатели реализации обещаний в говорении женщин могут быть интерпретированы как свидетельства их большей ориентации на отношения, что соответствует данным представителей теории заботы и отношений в гендерных исследованиях [9, с. 24–63].

Не менее символичны также еще более заметные различия в количестве обещаний, реализованных в общественной и частной сферах. Существенно большее количество обещаний, регистрируемых в поведении женщин в частной сфере, и, наоборот, меньшее количество обещаний в общественной соответствует выводам авторов теории отношений о том, что структура личности женщины по-прежнему в большей мере направлена на создание отношений именно частного, личностного характера.

Целесообразным представляется обратить внимание не только на коммуникативную сущность обещаний и их значимость в осуществлении полноценного общения, но и на их форму. Классические исследования в области теории речевых действий, как известно, большую роль в идентификации их разновидностей отводили перформативным словам: I promise, обещаю, что..., абыцаю.... Слово «обещаю» в подобных речевых актах позволяет относительно легко идентифицировать их как обещания. В нашем массиве данных во всех сопоставляемых культурах в говорении женщин зафиксировано большее количество перформативных слов. Казалось бы, данное обстоятельство позволяет сделать вывод о большей эксплицитности именно женских обещаний. В действительности все оказалось сложнее.

Рассмотрим следующий фрагмент подлинного вербального поведения:

4. А₁: *Не буду-не буду-не буду-не буду.*
 Б₁: *Так?*
 А₂: *Так! Вот.*
 Б₂: *Таак...*
 А₃: *Так, так, так, так.*
 Б₃: *Абыцаеш?*
 А₄: *Абыцаю, абыцаю. Не буду.*
 Б₄: *Бгы...*
 А₅: *Не буду, не буду... [Придыхание]*
 Б₅: *Ну ... Такк. Добра!*

Эксплицитное обещание в ответ на реплику-побуждение Б₃ реализуется в речевом действии А₄. Одна оно инкорпорирует не одну, а две реализации одного и того же перформативного слова. Повторы, как известно, являются типичной чертой свободного говорения, и перформативные слова не являются исключением. Однако частотность и характер повторения перформативных слов имеет заметную гендерную специфику. Так, в женских обещаниях количество повторов больше вообще (см. А₁) и количество повторов перформативных слов в частности. Например, в белорусской культуре женщины на 5,5 % чаще реализуют повторы перформативных слов, чем мужчины. В других культурах данные показатели выше, в американской самые высокие и составляют 12 %. Кроме того, количество повторений в одном речевом действии также гендерно специфичны. У женщин оно может достигать 4–5 повторений, у мужчин – 2 и реже 3-х. В результате в женском говорении большее количество перформативных слов оказалось реализованным в меньшем количестве эксплицитных обещаний. Последних больше в поведении мужчин.

Безусловно, повторы перформативных слов культурно специфичны. В русской и белорусской культурах они представляют собой непосредственное повторение соответствующего слова; в английской и американской наблюдаются замещения типа I do promise, I do, I do.

Анализ показал, что обещания, как правило, так или иначе инкорпорируют в себе много гендерно специфических черт, характерных для женского и мужского говорения. Таковыми являются особенности употребления имен личных, частотность и специфика диминутивизации и интенсификации, сравнения и многое другое. Кроме того, именно обещания, равно как и побуждения к совершению действий обещания, являются характерной зоной реализации придыхания, весьма специфической черты женского говорения.

Правоммерно отметить также, что весьма заметное количество обещаний, особенно в ответ на реплики, побуждающие к манифестации обещания, реализуется с помощью невербальных средств: жестов, выражения глаз, мимики. Как правило, такие обещания хорошо понимаются собеседниками и не приво-

дят к конфликтным ситуациям. Мужское говорение допускает больше таких обещаний, особенно в приватной сфере, например:

5. А₁: *Ты хоть придешь-то?*
 Б₁: (кивок)
 А₂: *Обещаешь, что ль?*
 Б₂: (кивок)
 А₃: *Мм! Лапка! Молодец. Приходи, приходи, приходи.*

Конечно, можно интерпретировать подобные кивки как реплики молчания. Однако чисто формально. По существу данные реплики не являются подлинным молчанием, ибо в них эксплицитно представлено намерение говорящего. Между тем изредка в общении встречаются реплики молчания, не позволяющие идентифицировать намерение говорящего. Весьма примечательно, что таковыми, оказывается, могут быть и действия обещания:

6. А₁: *Дык ты ж тады схаdzi да ix дый падсаbi чым.*
 Б₁: (маўчанне)
 А₂: *Чуеш?*
 Б₂: *Бы.*
 А₃: *Падсаbi.*
 Б₃: (маўчанне)
 А₄: *Васiль?*
 Б₄: (маўчанне)
 А₅: *Абцяеш?*
 Б₅: (маўчанне)
 А₆: *Ну от чаго ты такi, а? Воой!*
 Б₆: *Што?*
 А₇: *Чаго не сходзиш?!*
 Б₇: *Чаго не схаджу?!*
 А₈: *Ну чаго, мамкi мае!*
 Б₈: *Схаджу.*

Паўза.

- А₉: *Сходзиш?*
 Б₉: *Кажу схаджу. Схаджу.*
 А₁₀: *Абцяеш?*
 Б₁₀: (маўчанне)
 А₁₁: *Абцяеш, Васiль?*
 Б₁₁: (маўчанне)
 А₁₂: *От чаго ты, Васiлька, такi? Век не даbiцца niчога. Табе што ni кажы, а ты маўчок.*
 Б₁₂: *Кажу, што схаджу. Абцяю, Кажу.*
 А₁₃: *Схаdzi, схаdzi. Добра. Воой. Слава богу. [Придыхание] Божачка! Васiлька.*

Как видим, в данном фрагменте речевого поведения реплики Б₃, Б₄, Б₅, Б₁₀, интерпретируемые, по всей видимости, самим коммуникантом как достаточные ответы, вовсе не представляются таковыми его собеседнице, что и привело к разборке намерений.

Аналогичные трудности, правда без обсуждения характеристик личности коммуникантов, прослеживаются и в фрагменте 7, в котором отсутствие реакций собеседника побуждает к реализации повторных действий, направленных на получение обещания.

7. А₁: *We gonna be happy, Charlie, aren't we?*
 В₁: (Silence)
 А₂: *Aren't we, Charlie?*
 В₂: (Silence)
 А₃: *Give me your your word, Charlie, please, will you?*
 В₃: (Silence, smiling)
 А₄: *We gonna be together, Charlie, aren't we? Just tell me, Charly.*
 В₄: *Uhm, er, sure.*
 А₅: (after a pause) *Great! Oh, lovely! Charlie, dear, that's lovely.*
 В₅: (Silence)

Примечательно, что подобные молчания-обещания в подавляющем большинстве случаев в нашем массиве данных соотносятся с говорением мужчин. Единственное исключение составил разговор внучки и бабушки, в котором внучка также избрала подобную тактику ведения разговора и реализации обещания в ответ на реплику-стимул к обещанию. Кроме того, наблюдается и некоторая культурная специфика реали-

зации подобных обещаний. В нашем материале они встречаются в минимальном количестве в американской, английской и русской культурах (1, 1 и 2 соответственно) и несколько чаще в белорусской – 8 случаев.

Выводы. Суммируя результаты представленного сопоставительного анализа обещаний, реализованных в подлинных актах общения в четырех культурах, правомерно утверждать следующее: гендерный анализ обещаний в значительной мере расширяет имеющиеся сведения о данной разновидности речевых действий. Наиболее существенными дополнениями правомерно считать следующие:

1) уточнение сущности обещаний, включение «отношенческого» потенциала в перечень дистинктивных признаков данной разновидности речевых действий;

2) описание значимости количественных показателей употребления обещания, соотнесение их с гендерной идентичностью говорящего субъекта;

3) установление особенностей дистрибуции обещаний, выявление разновидности действий в значительном количестве случаев, предшествующих обещанию и побуждающих к его осуществлению;

4) определение ряда гендерно дистинктивных особенностей вербальной реализации обещаний.

Полученные данные и выводы, сделанные на основе сопоставительного анализа, позволяют согласиться с правомерностью предположения Дж. Серля о том, что семантику языка можно рассматривать как ряд систем конститутивных правил и что иллокутивные акты представляют собой не что иное, как действия, совершаемые в соответствии с набором таких правил [2, с. 214].

Выполненное исследование позволило рассмотреть конститутивные правила для одного вида речевых действий – обещаний и убедиться, что по ряду характеристик они в сопоставляемых культурах совпадают. Так, во всех культурах картина распределения данных актов в значительном количестве случаев включает особую разновидность действий – побуждений к обещанию. Кроме того, в каждой из них обещания отличаются целым рядом гендерно специфических черт как в плане конструирования самих действий, так и в плане частотности их употребления. Данное обстоятельство позволяет включить гендерно дистинктивные черты обещаний и их коллокативные особенности в число условий, требующихся для совершения адекватных действий обещания. Без их экспликации невозможно получить перечень условий, необходимых или достаточных для конструирования, употребления и полноценного описания действий обещания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 480 p.
2. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт / Дж.Серль // Зарубежная лингвистика; общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 2002. – С. 210–227.
3. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Зарубежная лингвистика: общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 2002. – С. 229–253.
4. Франк, Д. Семь грехов прагматики: тез. о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // Зарубежная лингвистика; общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 2002. – С. 230–254.
5. Searle, J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts / J.R. Searle. – Cambridge: CUP, 1979. – 108 p.
6. Austin, J.L. How to Do Things with Words / J.L. Austin. – Oxford: OUP, 1962. – 151 p.
7. Fried, Ch. Contract as Promise: A Theory of Contractual Obligation / Ch. Freid. – Cambridge: CUP, 1981. – 317 p.
8. Thiselton, A.C. Hermeneutics/F.C. Thiselton. – Cambridge: W.B. Eerdmans Publishing Co., 2009. – 408 p.
9. Gilligan, C. In a Different Voice/C. Gilligan. – Cambridge, Massach., London: Harvard University Press, 1982. – 183 p.

Поступила 21.11.2013

COMPARATIVE ANALYSIS OF PROMISES

M. POUTROVA

The article presents the results of comparative study of promises which seem to have belonged to the group of the most profoundly studied performative speech acts. The data obtained makes it possible to expand our knowledge of the basic characteristics of promises and account for their culturally and Gender specific frequency and distribution. It also describes some typical manifestations of promises in Belarusian, Russian, English and American cultures depending on the Gender identity of the speaking subject.